

БИЧЪ.

Больше я не могу молчать, нѣтъ!

Я люблю людей, и любовь къ нимъ заставляетъ меня предупредить ихъ: адскія муки, испытываемыя мной, въ болѣе или менѣе недалекомъ будущемъ грозятъ и имъ. Но—я буду кратокъ.

Началось это со мной недѣли двѣ тому назадъ рано по-утру. Я еще сладко спалъ и видѣлъ себя во снѣ выставочнымъ инженеромъ и казалось мнѣ, будто бы я принимаю каждый день по одному знатному иностранцу, всѣ они любезно жмутъ мнѣ руку и говорятъ разныя лестныя слова.

— Ахъ какой вы хорошій человекъ и какъ вы корректно одѣваетесь! — говоритъ мнѣ Ли-Хунгъ-Чангъ и ласково треплетъ меня по животу. Потомъ я видѣлъ, будто-бы всѣхъ моихъ кредиторовъ передавило на варшаво-тереспольской дорогѣ при послѣдней катастрофѣ, и они пріѣхали оттуда въ видѣ безмолвныхъ труповъ, совершенно неспособныхъ требовать съ меня платежей въ срокъ. И будто-бы я получилъ письмо отъ жены съ дачи, въ немъ она пишетъ, что однажды, въ лунную ночь она поѣхала кататься въ лодкѣ по рѣкѣ Безводной, и... утонула, совершенно утонула, до смерти утонула въ ней! Просить пріѣхать хоронить ее и привести— это въ послѣдній разъ!—тридцать пять аршинъ шелковой, самаго моднаго рисунка матеріи на саванъ. Затѣмъ просить захватить съ собой изъ города портниху получше и нѣсколько новѣйшихъ парижскихъ фасоновъ савановъ. Я читалъ все это и клялся со слезами умиленія на глазахъ, что исполню всѣ ея посмертныя желанія и я былъ счастливъ, и мнѣ было такъ хорошо, что я тотчасъ-же поклялся больше никогда не жениться.

И вдругъ, чувствую, что земля содрогается—открываю глаза въ испугъ и вижу—предъ моей кроватью стоитъ человекъ, трясетъ меня за плечо и говоритъ:

— Однако, братъ, какъ ты крѣпко спишь!

Онъ фамиллярно улыбался, былъ высокъ ростомъ, былъ не весьма хорошо одѣтъ, имѣлъ черезъ плечо дорожную сумку,—голодное худое лицо и очень много длинныхъ, острыхъ, крѣпкихъ, бѣлыхъ зубовъ во рту. Я никогда не видалъ его раньше ни во снѣ, ни на яву. Я хорошо помню фizioномію моихъ кредиторовъ—дурное долѣе остается въ памяти чѣмъ хорошее, — это былъ не кредиторъ. Кто онъ?

— Извините... я сейчасъ... Съ кѣмъ я имѣю честь?..

— Онъ изумился, отступилъ отъ меня на шагъ, потомъ приблизился ко мнѣ, наклонился надо мной и широко открывъ глаза—воскликнулъ:

— Ты меня не узнаешь?

Я перешвырялъ вилами воспоминанія вораха моего прошлаго — и не нашелъ тамъ гостя.

— Впрочемъ, пожалуй, я не сержусь на тебя за то, что ты такъ плохо помнишь своихъ родственниковъ...

— Ага! онъ мой родственникъ!

— ... потому что мы съ тобой встречаемся въ первый разъ еще!

— Я... я очень радъ, что это случилось, ~~сказалъ я и сожалею, сознаю въ этомъ.~~ Я былъ бы болѣе радъ встрѣтиться съ моими родственниками въ селеніяхъ горныхъ, гдѣ это рѣшительно ничего не стоитъ, а не на землѣ, гдѣ это стоитъ большихъ неудобствъ и не малыхъ денегъ.

— Еще бы ты былъ не радъ! я давно уже хотѣлъ навѣстить тебя...

Тутъ я понялъ почему въ послѣднее время меня неотвязно преслѣдовало смутное предчувствіе какой-то опасности, грозящей мнѣ...

— ... но,—продолжалъ онъ,—все, знаешь некогда. Но вотъ собрался, наконецъ. Поѣду, думаю, къ моему милому кузену, кстати онъ скоро именинникъ, и кстати-же посмотрю выставку... Знаешь у васъ очень милая выставка! Ты, надѣюсь, не сердись на меня за то, что я раньше не пріѣхалъ къ тебѣ?

— Я? Сердиться на это?!—воскликнулъ я горячо и поспѣшно и хотѣлъ добавить еще нѣчто, но онъ обнялъ, такъ что я, прежде чѣмъ онъ меня выпустилъ изъ своихъ длинныхъ родственныхъ рукъ, трижды назвалъ себя дуракомъ за то, что до той поры не составилъ духовнаго завѣщанія. Нечаянная смерть въ объятіяхъ дальняго родственника—вещь болѣе чѣмъ возможная.

За чаемъ выяснилась степень нашего родства. Оказалось: прабабушка его очень любила рыжихъ мужчинъ, и бѣлые грибы въ сметанѣ, а у моего прадѣдушки былъ рыжій племянникъ и заповѣдная роща, въ которой грибовъ было даже больше чѣмъ деревьевъ. По этой причинѣ его прабабушка, будучи вдовой, тѣмъ не менѣе родила сына, мальчика, какъ говорилъ мой кузень. Сынъ этотъ жилъ до той поры, пока не сталъ командиромъ сапернаго баталіона, а съ производствомъ его въ сей чинъ мирно умеръ. Баталіонъ остался живъ, хотя прабабушки и прадѣдушки, а также рыжіе племянники тоже всѣ померли. Рощу срубили, мѣсто гдѣ она стояла распахали и на немъ уже больше не растетъ грибовъ.

Я упорно слѣдилъ за извивами родственной нити но увы! не нашелъ на ней узла, связующаго меня съ моимъ кузеномъ...

— Такъ мы собственно съ вами родня по...

— По саперному баталіону.

— По батальону? По цѣлому батальону?

— Видишь какъ... Дай карандашъ! Вотъ смотри—батальонъ. Хорошо. А въ батальонѣ—вольноопредѣляющійся Медвѣдевъ—двоюродный племянникъ сестры жены твоего троюроднаго дяди.

— Рыжій?

— Не знаю! Но—повимаешь? Вотъ и родство.

— У тебя есть слуга?—спросилъ меня мой милый родственникъ.

— Конрадъ!—крикнулъ я. Мнѣ давно уже хотѣлось что-нибудь крикнуть.

— Вотъ что, братецъ, Конрадъ... экій бравый мужчина! Возьми-ка мое платье и почисти его...

— А гдѣ жъ воно? спросилъ Конрадъ, шевеля усами.

— На мнѣ, милѣйшій сынъ Украины! Кузень! У тебя есть лишняя пара? Пожалуйста! Мы съ тобой почти одного роста и твое платье будетъ мнѣ какъ разъ въ пору!

Онъ угадалъ и я вспомнилъ пословицу о добромъ человѣкѣ, которому всегда и все „въ пору“.

— Бродилъ я между-у ска-аль...

Запѣлъ кузень. Я очень люблю вокальное искусство, если оно не напоминаетъ о волчьемъ воѣ. Оказалось, что искусство моего кузена далеко не похоже на волчій вой, скорѣе это вопль безнадежно влюбленнаго бегемота, тоскующаго о ласкахъ своей возлюбленной.

Вошелъ Конрадъ съ платьемъ.

— Ага! — сказалъ кузень... — Прекрасно! А ну, какъ ты чистишь платье? Я люблю, чтобъ не пылинки... Э-э-э, братъ, да ты прорвалъ его!

— Никакъ нѣтъ. Усе дирки тамо вже були!

— Вре-ешь братъ! была одна—это такъ! Этимъ я обязанъ сидѣньемъ въ проклятыхъ вагонахъ... Я, знаешь-ли кузень,—я люблю ѣздить въ третьемъ классѣ, въ народѣ, знаешь, въ подлинномъ русскомъ народѣ! Собственно говоря, еще лучше—въ четвертомъ, но...

— Всего лучше—въ первомъ, добавилъ я, желая сказать кузену, что-нибудь пріятное.

— Это твое мнѣніе? Ба, ты аристократъ! Но это не важно... я уже похожу сегодня день въ твоихъ брюкахъ... и, конечно, въ твоей визиткѣ. Моя слишкомъ не подѣ цвѣтъ. Ты ничего не имѣешь?

— Нѣтъ, я еще имѣю кое-что, но если онъ проживетъ у меня еще съ мѣсяць — я дѣйствительно, абсолютно ничего не буду имѣть!

— Бродилъ я-а м-жду ска-а аль

Боги, Боги! О Изиды и Озирисы! И ты о, Панъ! и ты о Діана! И вы — о всѣ другіе боги, когда либо управлявшіе судьбой людей и путями ихъ! Почему мой кузень не заплутался между скаль когда онъ тамъ бродилъ?

— Вдругъ слышу ди-ик-кій кр-р-рикъ! Я тоже слышалъ дикій крикъ. Но кузень его слушалъ уже раньше, его уши привыкли гамъ, между сзалъ, слушать дикія крики; я-же, несчастный, хотя и бродилъ между скаль Кавказа и Крыма, но дикихъ криковъ въ то время не было вокругъ меня. Бѣдный кузень, какіе ужасные крики долженъ былъ онъ слышать если онъ самъ научился такъ кричать. Но—я обѣщаль быть кроткимъ. Сознаюсь какъ всегда и въ данномъ случаѣ обѣщать труднѣе, чѣмъ исполнить. Слишкомъ много горя въ груди моей поселилъ кузень!

Въ кабинетѣ у меня теперь такъ хорошо—какъ будто въ немъ Атилла ежедневно сочиняетъ страстные посланія къ Кримгильдѣ. Въ моей спальнѣ—спальня моего кузена, въ моемъ кошелькѣ—какъ бы я его не зализывалъ—пальцы моего кузена. Я ищу самого себя на моихъ любимыхъ мѣстахъ и нахожу тамъ кузена. Кузень—всюду и я считаюсь съ его привычками и онъ почему-то всегда противоположны моимъ. Я говорю съ кузеномъ,—а это такъ же интересно какъ дуть во флейту безъ клапановъ,—щекамъ и легкимъ больно, но ни одного порядочнаго звука—нѣтъ. Брюки моего кузена, которые Конрадъ починилъ своимъ собственнымъ галстухомъ—на мнѣ, но они всетаки въ такомъ состояніи, что скоро я долженъ буду сидѣть дома.

Ахъ, что можетъ быть тяжелѣя сожителства съ дальнимъ родственникомъ, который захочетъ вступить съ вами въ близкія отношенія! По утру онъ беретъ у васъ пять рублей—только пять!—и идетъ на выставку. Онъ тамъ обѣдаетъ, но онъ и дома обѣдаетъ. Онъ вообще любитъ обѣдать и часто случается, что послѣ обѣда онъ везетъ меня къ Ломачу ужинать. Я—ѣду. Ёду, ибо онъ любезенъ, какъ французъ и не прободаемъ, какъ носорогъ.

Иногда я говорю ему вещи не совсѣмъ пріятныя для слуха, но его уши не принимаютъ ихъ. Либо уши дальнихъ родственниковъ устроены на иныхъ акустическихъ началахъ, чѣмъ уши простыхъ смертныхъ. Въ гостиницахъ онъ относится ко мнѣ покровительственно, знакомитъ меня съ разными знаменитостями ресторанныхъ эстрадъ и я плачу за все, что они съѣдятъ и выпьютъ. Они-же не стѣсняются. Я тоже много ѣмъ;—но со дня пріѣзда кузена я потерялъ въ вѣсѣ одиннадцать фунтовъ. Быть можетъ, я превращусь въ существо совсѣмъ невѣсомое,—это зависитъ отъ кузена. Все зависитъ отъ него—состояніе моего духа, кошелька, желудка, все онъ! Онъ проникаетъ въ меня черезъ всѣ поры моего тѣла, какъ лихорадочный воздухъ Сиваша. Быть можетъ я удавлюсь скоро, весьма

вѣроятно, что я приду въ состояніе запальчивости и раздраженія и испытаю на себѣ всѣ привилегіи, которыя дастъ та статья уголовного кодекса, что трактуеть это состояніе какъ обстоятельство смягчающее убійство...

Вообще мое положеніе—отчаянное, трагическое, невыносимое положеніе. Я не вижу выхода изъ него. Я полагаю, что завтра прѣдетъ ко мнѣ еще одинъ дальній родственникъ. Весьма возможно, что теперь, когда вы читаете эту скорбную повѣсть, онъ уже сидитъ противъ меня и доказываетъ мнѣ родство со мной... по дивизіи.

Во снѣ мнѣ снятся дальные родственники. Ихъ много. Они лѣзутъ на меня изо всѣхъ щелей, ущемляютъ меня въ объятія и сосутъ мою кровь. Это похоже на то, какъ будто-бы въ васъ впились 40,000 клоповъ. Это невыносимо тяжело, это до того больно, что я ночью вскакиваю съ постели и въ бѣшенствѣ... грызу зубами портретъ моего кузена, который онъ очень любезно предложилъ мнѣ на память съ условіемъ, что и я ему сдѣлаю тоже. Я? Я ему сдѣлаю! Я снимусь въ день его отъѣзда и дамъ ему двѣ карточки: одну до его появленія предо мной—когда я былъ здоровъ, румянъ и веселъ; другую—теперь когда я обратился въ отвлеченную величину... Но къ чему это поведетъ? Нѣтъ состраданія къ человѣку въ сердцѣ дальнаго родственника, привлеченнаго въ Нижній выставкой. О выставка! Это ты выставка-а! Сограждане! Подумайте.

Во всѣхъ концахъ Россіи, во всѣхъ трущобахъ ея,—всюду, гдѣ есть населенныя мѣстности отъ Петербурга до Одессы и Тифлиса и отъ Тифлиса до Томска и Владивостока и отъ Владивостока до Архангельска и Петербурга, по всѣмъ ливіямъ этого неправильнаго круга, на всѣхъ точкахъ его, всюду на землѣ, подъ землей, въ водѣ и воздухѣ сидятъ люди и отыскиваютъ себѣ родственниковъ, въ Нижнемъ... Генеологія и геральдика! Страшная картина рисуется взору моему—сограждане! Тучи дальнихъ родственниковъ, закрывая свѣтъ солнца, несутся съ юга и запада съ сѣвера и востока на Нижній. Привесутся они и массой своей подавятъ насъ, обратятъ въ своихъ рабовъ и, послѣ долгихъ и мучительныхъ истязаній—съѣдятъ насъ, съ костями съѣдятъ. Все это только за то, что мы устроили у себя выставку. Сограждане! Какъ отвратимъ мы грозящее намъ несчастіе?

Чѣмъ остановимъ набѣгъ орды дальнихъ родственниковъ болѣе дикой и жадной чѣмъ монголы, готы, гунны и иные бичи человечества?